

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

**Александр Константинович
Матвеев**

Член-корреспондент Российской академии наук, зав. кафедрой русского языка и языкознания Уральского университета.

«СЛОВАРЬ ГОВОРОВ РУССКОГО СЕВЕРА» И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Русский Север издавна привлекал внимание исследователей духовной и материальной культуры. Здесь, на периферии русского мира, в разбросанных по берегам многочисленных рек и озер «кустах» деревень, сложились уникальные условия для сохранения памятников народного зодчества и быта, фольклора и диалектной речи. Русский Север не затронули походы тевтонских завоевателей и татаро-монгольское нашествие. Он не знал крепостничества в его самой жестокой помещицкой форме. И здесь лучше сохранилась память о русской старине, жизни и быте северного крестьянина, охотника, рыбака. Народная речь закрепила ее в словах.

Но исследователей интересует не только русская архаика. На этой

обширной территории некогда происходили сложные этнические процессы. Здесь в результате многовековых контактов обрусели древние насельники — финно-угорские племена, родственники современных саамов, карелов, вепсов, марийцев, коми. Но они оставили богатое наследие: в русскую речь проникло множество финно-угорских слов — географических, метеорологических, рыболовецких, охотничьих, лесохозяйственных и других терминов. Эти племена не знали грамоты. И только диалектные заимствования да географические названия дают нам возможность представить себе их древние наречия.

Архаическая русская лексика славянского происхождения и финно-угорские заимствования преж-

де всего обуславливают историко-лингвистическую ценность диалектного лексикона русского Севера, настоящей жемчужины русской народной речи.

Лексические сокровища русского Севера осваиваются отечественной наукой уже более ста лет. На смену относительно небольшим, но богатым специфическими лексемами областным словарям А. Подвысоцкого [1], Г. Куликовского [2], А. Грандилевского [3] в наши дни пришли «Архангельский областной словарь» (АОС) и «Словарь вологодских говоров» (СВГ)[4], первые выпуски которых уже увидели свет. А совсем недавно исследователи севернорусских говоров познакомились с первым выпуском «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК)[5], который содержит и лексику крайне западных районов Архангельской и Вологодской областей. Все это создает редкую возможность сопоставления разных словарных источников, относящихся к одной и той же диалектной территории.

В связи с публикацией этих словарей, особенно АОС, несравненно более полного, чем СВГ и СРГК, возникает естественный вопрос: нужен ли еще один словарь говоров русского Севера, ведь АОС, СВГ и СРГК в комплексе и должны составить этот словарь, если под русским Севером понимать территорию современных Архангельской и Вологодской областей. Однако лексические богатства русского Севера далеко не

исчерпаны, что и подтверждают вновь собранные словарные материалы.

План создания «Словаря говоров русского Севера» (СГРС) возник в ходе работ Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета (СТЭ) уже после того, как в ее картотеках были зафиксированы многие тысячи топонимов и диалектных лексем.

Теснейшая связь диалектологических сборов с топонимическими предопределила границы региона. Они естественно совпадают с зоной работ СТЭ, которая в свою очередь обусловлена рядом лингвоэтнических и историко-географических факторов.

Регион, охватываемый СГРС, включает Архангельскую область без Ненецкого автономного округа и Вологодскую область, т.е. территорию, в настоящее время заселенную только русскими (русский Север)* и практически полностью обследованную СТЭ. Иногда к русскому Северу относят Мурманскую область и Припечорье. Эти территории, однако, не обследовались экспедицией как из-за их географической изолированности от основной территории русского Севера, так и вследствие этнической неоднородности населения. По этой же причине в регион не включается Карелия. По ряду обстоятельств исключена и Костромская область (проблематичность ее принадлежности к русскому Северу, специфичность местных русских говоров и др.).

* Исключая некоторые участки территории крайнего северо-запада Вологодской области, где живут вепсы — народ финно-угорской языковой семьи (в Бабаевском и Вытегорском районах).

Севернорусская топонимическая экспедиция, научным руководителем которой является автор статьи, начала работать на русском Севере в 1961 г. В ходе более чем тридцатилетних работ создавалась и лексическая картотека СТЭ, причем сбору лексики с каждым годом уделялось все больше внимания.

Наименование «лексическая картотека Севернорусской топонимической экспедиции» наводит на мысль, что это вспомогательная картотека. Но сейчас лексическая картотека СТЭ уже не является приложением к топонимической: картотеки давно стали самостоятельными. Однако лексическая картотека достаточно специфична, что объясняется историей ее возникновения:

Первоначально лексическая картотека СТЭ действительно была вспомогательной для основной — топонимической картотеки, и прежде всего, что вполне естественно, фиксировалась местная географическая терминология, особенно заимствованная, затем вообще терминология в самом широком смысле этого слова. Такой характер в основном сохранила картотека, даже став самоцелью, хотя сейчас в ней засвидетельствовано и множество экспрессивных глаголов, фразеологизмов и т.п. Суть дела в хорошо известной методике, подкрепляемой и присущим топонимическим экспедициям направленным сбором названий: записываются не тексты, а слова с примерами на их употребление. В некоторых отношениях эта методика ущербна, но она имеет и свои достоинства: во-первых, один и тот же факт может быть многократно проверен, а во-вторых, опрос идет «от понятия к слову», когда посто-

янно моделируются новые ситуации и выявляются новые лексемы. Этот вид опроса в отличие от пассивной записи является более активным и творческим, а его значение неизмеримо возрастает в условиях вырождения русской деревни.

Подготовка и публикация многочисленных региональных словарей и создание многотомного академического «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) [6] не лишают остроты вопрос о путях интенсификации сбора диалектной лексики, актуальный, во-первых, в связи с процессом деградации русской деревни и соответственно русских народных говоров, а во-вторых, в связи с ограниченностью того лексического материала, который зафиксирован в этих словарях.

Диалектологи — полевики и лексикографы — хорошо представляют ситуацию. Не секрет, что при всем своем значении СРНГ является итогом определенного исторического этапа сбора лексического материала и за его рамками остался океан диалектных фактов как уже собранных на местах, так и еще не зафиксированных. Мы пока даже не подошли к оценке степени количественного отражения диалектной лексики в региональных словарях, а ведь опыт создания среднеобского и среднеуральского словарей свидетельствует, что после завершения публикации основного корпуса приходится составлять дополнения. Так, к семитомному «Словарю русских говоров Среднего Урала» [7] уже составлено двухтомное дополнение, в котором будут представлены только новые лексемы. Кроме того, как это ни прискорбно, до сих пор существуют территории, где сбор диалектной лексики или вообще не произ-

водился, или был достаточно случаен. Если составить сводную карту лексикографической обследованности русских говоров, обнаружится много лакун. Появление все новых «полных» словарей одного говора — слабая компенсация за это, несоизмерная с затраченными на них усилиями. Наконец, в критический для судьбы русской диалектной лексики момент не изучен вопрос о степени отражения узколокальных диалектных лексем в областных словарях, где обильно представлен общеизвестный материал, нередко близкий к просторечному, но часто отсутствуют специфические для того или иного говора лексемы прежде всего терминологического характера, а ведь именно такие слова особенно интересны как в собственно лингвистическом, так и в историко-культурном отношении. Лакуны в терминологии связаны с недостаточно глубоким знакомством собирателей с традиционным хозяйством, бытом, культурой народа.

Именно поэтому наряду с обычными путями фиксации диалектного материала необходимо пополнение лексических картотек направленным сбором различных терминологических систем с предварительным изучением вопроса об их устойчивости и тенденциях развития, связанных со стиранием диалектных различий. Так, географическая терминология, метеорология и лексика лесного хозяйства достаточно устойчивы, терминология охоты и рыболовства более подвержена редукции.

Направленный сбор может привести к значительному увеличению словарей, особенно при постановке четких задач и наличии конкретных программ. Собирая географи-

ческие названия на территории русского Севера, СТЭ уделяла большое внимание фиксации терминологии, а также заимствованной лексики (в связи с наличием общих элементов в субстратной топонимии и диалектных лексемах), сбор которой осуществлялся по специальному вопроснику.

Так, разрастание веток на хвойных деревьях жители русского Севера, по данным СТЭ, метко именуют *ведьминой метлой* или *вихревым (вихоревым) гнездом*, иногда *вихоревым помелом*. В АОС, СВГ и СРГК эти факты отсутствуют, в СРНГ находим только *вихоревое гнездо* в близком, но все же отличном значении (растение *Plicca betulae albae*).

Показательно и сложение *баба-верьяба*. Выявленный Х. Шустер-Шевцом только в верхнелужицком языке архаический индоевропеизм *wjerbaba* — «ведьма» [8], также не отмеченный в указанных словарях, сотрудники СТЭ обнаружили на противоположном конце славянского мира — в пинежских говорах русского Севера («в лес пойдеш, дак бабу-верьябу бойся»). Возможно, это праславянское слово, уцелевшее на боковых ареалах.

Сравнение лексических материалов СТЭ с обширным корпусом АОС (вып.1-8) свидетельствует, что и в области заимствованной лексики в АОС есть пропуски (пинежское *вангасистый, вангасоватый* — «кривой», «изогнутый», «неровный», няндомское *вина* — «ловушка на рябчика» и т.н.) и неполнота фиксации (топоним *Вагмас* в АОС при диалектном апеллятиве *вагмас* — «заболоченный труднопроходимый лес или кустарник» в картотеке СТЭ*) и что материалы СТЭ содер-

жат большое количество уточняющих данных в области географии слов и их фонетической формы. Так, в АОС фигурирует в качестве основной формы *волгос*, а записи СТЭ регулярно указывают на *волгас*. География этого слова по АОС — Усть-Выя в Верхне-Тоемском районе и Верхняя Уфтюга в Красноборском, между тем, по данным СТЭ, это слово на территории Верхне-Тоемского и Красноборского районов распространено почти повсеместно, а также отмечено на юге Пинежского района (в СРНГ *волгас* — сольвычегодское).

Охарактеризованный путь тесно связан с задачами составления диалектных терминологических и идеографических (этноидеографических) словарей. Он дает возможность зафиксировать специфические диалектные лексемы, предотвратив их утрату. Разумеется, направленный сбор не должен в принципе противопоставляться общепринятой недифференцированной фиксации диалектных фактов, но при специальных задачах собирания в условиях разложения традиционной лексической системы он может быть очень полезен. Чем выше степень вырождения диалекта, тем уже и глубже должна быть полоса опроса, если мы хотим выявить новые факты, и, соответственно, тем значительнее роль направленного сбора лексики.

Естественно, что словарь, характеризующийся явным преобладани-

ем терминологических лексем (75-80% словника), семантически одноклоб, но при наличии других словарей более общего типа (АОС, СВГ, СРГК) он может оказаться очень серьезным дополнением к ним.*

Литература

1. *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1885.

2. *Куликовский Г.* Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1898.

3. *Грандильевский А.* Родина М.В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. 1907. Т.83, № 5. (С.87-304 — словарь).

4. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовоой. М., 1980-1993. Вып.1-8.

Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда, 1983-1990.

5. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Спб, 1994. Вып.1.

6. Словарь русских народных говоров. Л.; Спб., 1965-1994. Вып. 1-28.

7. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964-1988. Т.1-7.

8. *Шустер-Шевц Х. В.* — луж. *wjera, wjerbaba* 'Buschweib, ведьма' — неисследованный славянский лексический архаизм // Этимология 1975. М., 1977. С.64-67.

* Это слово в близких значениях приводится и в СРНГ.